

Выбравшись вслед за хомяками из узкого лаза, Хан Цзянсюэ обомлел: эти двое вскарабкались на огромный валун за оградой двора и вовсю... поклонялись луне.

Хан Цзянсюэ оторопел. Он-то полагал, что пушистые комочки умеют лишь спать да брюхо набивать, а они, оказывается, тайком усердно самосовершенствуются! Видимо, вознамерились утереть нос абсолютно всем.

Под «всеми», разумеется, подразумевался один-единственный зайчонок.

Хан Цзянсюэ торопливо прикрыл лапкой рот, боясь выдать себя, как вдруг откуда-то донеслась оглушительная икота, до смерти напугавшая двух рисовых колобков!

— Пи-пи? Что это за звук?

— Пи-пи! Гром гремит! Сейчас дождь пойдёт, бежим!

В панике спрыгнув с камня, хомячки кубарем покатались вниз и со всего размаху врезались аккурат в мягкое пушистое брюшко зайчонка.

— Да это просто кто-то икает!

Хан Цзянсюэ подхватил А-Да и А-Эра, водрузил их обратно на валун, а сам наклонился, прислушиваясь и пытаясь разглядеть источник шума.

Любой кошатник знает: чем строже коту что-то запрещают, тем сильнее ему хочется это сделать; чем опаснее затея, тем ярче разгорается любопытство. И пусть Хан Цзянсюэ рождён был трусливым кроликом, окружение из одних лишь кошек перекроило его робкую душу — в груди у него билось бесстрашное кошачье сердце.

Помахав хомячкам лапкой, мол, сидите тихо, зайчонок юркнул в густую траву и, прячась за стволами деревьев, начал спускаться по склону.

Икота то утихала, то раздавалась с новой силой, однако, куда бы Хан Цзянсюэ ни свернул, раскаты неизменно доносились снизу. Неужто у самого подножия горы?

Зайчонок оглянулся на персиковую рощу, окутанную нежно-розовой дымкой, и вспомнил о клятве, данной сегодня Янь Фэйду.

Он облегчённо хлопнул себя по лапке: каково везение, что он не ляпнул ничего вроде «если убегу — пусть меня небесный гром поразит»!

Хан Цзянсюэ сжал кулачки. Взглянет одним глазком — и сразу назад! Просто ради любопытства!

Кролики вообще-то бегают быстро, а уж зайцы-оборотни — и подавно. Даже искушённый заклинатель среди ночи уловил бы лишь мелькнувший в темноте бурый комочек шерсти, после чего тот растворился бы без следа.

Бесшумно спрыгнув к самой воде, зайчонок наконец разглядел виновника этого шума.

На россыпи прибрежных валунов лежал лазурный речной дракон: половина его туловища свернулась на берегу, а хвост погрузился в воду. Раскатистая, сотрясающая воздух икота исходила именно от него.

Хан Цзянсюэ осторожно высунул мордочку из зарослей, и его круглые глазки встретились прямо с огромным бирюзовым зрачком дракона!

Зайчонок затаил дыхание и стал медленно пятиться, но в его голове вдруг раздался мыслеперевод:

«А я тебя помню, кролик».

Хан Цзянсюэ оцепенел, превратившись в деревянное изваяние, — ни лапкой пошевелить, ни шагу ступить.

«Ну за что мне это? Я же просто полюбопытствовал! Кто бы удержался и не пошел проверить, если посреди ночи икота раскатывается, точно небесный гром?!»

Пока в голове у зайчонка бушевала буря, сверху на него нависла тяжелая тень.

Драконья голова приподнялась и, протиснувшись сквозь сплетение ветвей, уставилась прямо на Хан Цзянсюэ.

— Водный владыка, — Хан Цзянсюэ чинно сложил лапки в приветственном жесте, изо всех сил изображая невозмутимость, — вы сегодня выглядите... значительно изящнее, чем прежде.

Дракон:...

Хан Цзянсюэ:...

Зайчонок тут же всплеснул лапками, зажал себе рот и издал полное раскаяния «чжуми!».

Он же хотел сказать: «Какое могучее и величественное у вас сегодня обличье!». Почему с языка сорвалась чистая правда?!

Ах, как же нелегко кроликам даётся враньё!

Хан Цзянсюэ неловко переглянулся с драконом. Рядом с этим исполином зайчонок казался крошечной горошиной, однако лишённый прежнего величия Водный владыка всё же промолвил:

— Ну да, поменьше стал. В обычные дни я раздуваю туловище чарами, чтобы выглядеть солидно, как и подобает повелителю вод.

Голос дракона звучал теперь по-юношески звонко — ничего общего с тем грозным речным разбойником, что при первой встрече перегородил реку и требовал дань.

Хан Цзянсюэ искренне не понимал, с чего вдруг владыка показал свой истинный облик — неужто настолько не стесняется посторонних?

Впрочем, причину такой откровенности зайчонок понял секундой позже.

Раздался очередной оглушительный «ик!», от которого лазурного дракона подбросило, точно пружину, и он со стоном покатился по каменной россыпи. Тут уж не до сохранения царственного величия и не до размышлений о размерах!

Зайчонок хлопал глазами, глядя на корчащегося повелителя вод, а в следующее мгновение в густой траве уже и след его простыл.

Развалившийся на камнях дракон косо глянул ему вслед и удручённо перевернулся на другой бок.

Недаром говорят: «Попадет дракон на мель — стать ему посмешищем для рыбок». Сейчас он и впрямь оказался в бедственном положении.

Тук-тук-тук. Тук-тук.

Что-то мягко, но настойчиво постукивало по драконьей лапе.

Дракон приоткрыл веки и с изумлением обнаружил, что давешний удравший кролик вернулся.

В лапках у него был целый сноп каких-то незнакомых травинок. Приподнявшись на цыпочки, зайчонок протянул пучок к самой морде владыки.

— Водный владыка! Вот травка, она от животика помогает, съешьте — и всё пройдет!

Хоть кролик и выглядел предельно искренним, а трава не пахла ядом...

— Тут и на один зуб не хватит, разве от такой жменьки будет толк? — усомнился дракон.

— Ещё как будет! Моя матушка куда покрупнее вас, а съест кусочек — и сразу всё как рукой снимает! — пылко заверил Хан Цзянсюэ.

«И почему его чистая правда звучит так обидно?!» — мысленно скривился дракон.

Сорвав языком сочную зелень, дракон без особого удовольствия зажевал травинки, бурча под нос:

— Я вообще-то только-только вошёл в зрелый возраст, скоро ещё вырасту...

О чудо! Едва он проглотил снадобье, как из его глотки вырвался отчаянный ик, подобный раскату грома!

Зайчонок едва успел прижать уши к голове, чуть не помрев от страха.

Однако вслед за этим звуком дракону стало неизмеримо легче. На сей раз, откинувшись на валуны, он действительно расслабился.

— Ты и сам эту дрянь жуёшь, когда прихватит? — весело поинтересовался дракон, повеселев.

— А, нет, я такое не ем, — со всей детской непосредственностью признался Хан Цзянсюэ. — Оно же ужасно горькое! Просто вы так икали и катались по земле... точь-в-точь как великие демоны у меня на родине, когда наедятся до отвала. Вот я и решил принести. Здорово, что помогло!

Дракон:...

Глядя на эту невероятно наивную мордашку, поднять лапу на зайчонка было просто невозможно.

И ведь правда: молодой повелитель вод икал без остановки, выбравшись со дна реки на берег, исключительно от банального переедания. Как только он объявил всем водным тварям о своём воцарении на этой реке, дань стала стекаться к нему бесконечным потоком. Подводный дворец только строился, заняться владыке было решительно нечем, вот он и слонялся повсюду в поисках чего-нибудь вкусенького. В итоге юный, никем не контролируемый дракон объелся до

полусмерти.

Посмотрев на зайчонка, который уже счел свой долг исполненным и вознамерился уйти, дракон хитро мигнул. Вспыхнул ослепительный свет, и на месте чудовища предстал юноша в лунно-белом одеянии.

Вернее, юношей его можно было назвать лишь на первый взгляд — статный, с крепким разворотом плеч, хоть на благородном, утонченном лице всё ещё проглядывала детская пухлость щёк. Высокий хвост, тонкая талия, перехваченная белым поясом, статный силуэт — весь его облик дышал пылкой юношеской свежестью.

Склонившись, юноша бесцеремонно подхватил за шкурку вознамерившегося удрать зайчонка.

— Куда намылился? Ты мне так помог, давай-ка я отблагодарю — пойдём погуляем!

Длинные ушки зайчонка любопытно взмыли вверх, но, вспомнив о том, что пора возвращаться, Хан Цзянсюэ отрицательно замотал головой.

— Простите, Водный владыка, уже поздно, мне пора домой, спать...

Юноша громко расхохотался и, не говоря больше ни слова, взмыл в поднебесье.

— Какое ещё «спать»? Сколько тебе лет, ты что, маменькин сынок, чтобы по часам в постель укладываться?

Хан Цзянсюэ лишился дара речи. Он... он же давно взрослый!

Недаром в народе говорят: когда дракон оседлает облака, стоит ему пожелать — и в мгновение ока он окажется на краю света.

Повелитель вод не стал уносить зайчонка в дальние края, а лишь устремился напрямик ввышину. Порывистый ветер развеивал его лунно-белые одежды, словно ивовый лист на лету. Впрочем, стихия ластилась к нему, бережно подставляя крылья и вознося всё выше, к самым небесам.

Зайчонок отродясь не забирался на такую головокружительную высоту!

Весь одеревеневший от ужаса, Хан Цзянсюэ... вжал ушки и спрятался за воротником юноши.

Стоило ему бросить случайный взгляд вниз, как голова пошла кругом. В мыслях он отчаянно вопил: «Всё-всё-всё! Больше никогда в жизни не буду убегать из дома, а-а-а!»

Словно угадав его испуг, дракон ласково похлопал зайчонка по спинке.

— Чего испугался? Вот увидишь, сейчас такое зрелище начнётся!

Хан Цзянсюэ несмело поднял глазки. Раздался тихий шорох, и дракон, миновав плотную пелену, опустился прямо на белоснежные пышные облака.

Пожалуй, за всю свою жизнь зайчонок ещё никогда не находился так близко к луне.

В детстве, на каждый Праздник середины осени, старшие коты собирались под луной вместе с маленьким Цзянсюэ, чтобы толчь рисовое тесто и печь лунные пряники. Вообще-то котам дела не было до человеческих празднеств, но, помня, что их младшенький братишка — кролик, а в старинных сказаниях Нефритовый Заяц в Лунном дворце то и дело толок то снадобья, то рисовые коржи, они переступали через себя и помогали ему. В те времена крошка-зайчонок ничего в этом не смыслил: развалившись на мягком тягучем тесте, он заворожённо смотрел на круглый диск в небесах и думал, что луна — это просто огромная вкусная лепёшка.

Но теперь, стоя на самом верху облаков, он понял: ночное светило — это целый иной мир.

Огромный, ослепительный, ослепительно-белый... Плотные волны лунного света один за другим омывали туловище Хан Цзянсюэ; даже прикрыв глаза, он чувствовал, как сияние очищает саму его суть.

«Неужели... Водный владыка вовсе не пытался меня напугать, а привел сюда ради самосовершенствования?»

Хан Цзянсюэ с любопытством вскинул мордочку, задев мягким ушком подбородок дракона. Тот усмехнулся, подхватил малыша и усадил себе прямо на макушку.

— Сейчас начнется самое интересное! Смотри, лови сокровище! А если не сдюжишь... так и быть, сам заберу!

Зазвенел задорный юношеский смех. Не успел Хан Цзянсюэ сообразить, о чём речь, как в поднебесье налетел шквалистый вихрь. В следующую секунду с самого диска луны с оглушительным свистом что-то обрушилось вниз. Казалось, от ночного светила откололись целые осколки!

Серебристый свет неся вместе с ветром; студёный воздух остужал его на лету, а облака истирали в мелкую крошку, превращая в слепящий дождь. Множество искрящихся брызг низвергались с небес, словно кто-то разбил вдребезги сам Млечный Путь, обрушив его сверкающим водопадом.

Хан Цзянсюэ заворожённо протянул лапку. Серебряная искорка упала на подушечку, обожгла

каленным жаром — то оказалась капля небесного метеоритного железа!

— Маловато будет, даже на кинжал не хватит, — заметил Су Сяньчэнь.

Дракон взмахнул широким рукавом, сгребая в охапку добрую половину падающих искр, упрятал их в сумку ста сокровищ и сунул её в лапки сидящему на макушке зайчонку.

— Ты меня выручил, вот тебе награда!

Хан Цзянсюэ ахнул от восторга, обнял сумку ста сокровищ и, подпрыгнув на радостях, звонко закричал:

— Водный владыка! Я никому-никому не расскажу, что вы так икали, что вас аж на берег выбросило!

Дракон:...

— Ладно уж, не стану с тобой считаться. Эдаких задохликов, как ты, я сотнями на завтрак проглатываю!

Недовольно фыркнув, юноша добавил:

— Зовут меня Су Сяньчэнь. А тебя как величать?

— Хан Цзянсюэ! — торопливо отозвался зайчонок. — Водный владыка Сусянь!

—...Су Сяньчэнь, глупый кролик.

Су Сяньчэнь поднял взор к небесам. После вспышки метеоритного дождя небосвод снова стал чистым и ясным — на сегодня чудеса закончились. Вообще-то небесное железо падает раз в несколько столетий, однако в последние дни этот дождь льет чуть ли не каждый вечер. Не к добру подобные знамения, ох не к добру... Того и гляди, старейшины клана заставят его совершать какие-нибудь грандиозные подвиги. Впрочем, прямо сейчас...

Слушая, как у него на голове зайчонок увлечённо перебирает лапками звонкие капельки небесного железа в мешочке, Су Сяньчэнь еле заметно улыбнулся.

А мгновением позже развернулась картина, которую смертные могли бы созерцать разве что в своих самых дерзких сновидениях. Под полным диском луны, над сияющим морем облаков, огромный лазурный дракон очерчивал в ночной синеве величественные петли.

Россыпи звезд горели под его лапами, казалось, он способен сглотнуть саму луну! Исполинская драконья глава пронзала небесную высь, пышная грива и усы развевались по ветру, а маленький кролик, устроившись на самом лбу чудовища, заворожённо смотрел вдаль, уверенный, что видит перед собой сам край мироздания.

Ночевавшая в облаках священная птица фэнхуан подала звонкий голос и, взмахнув роскошным оперением, растворилась в вышине.

Облака рассекались одно за другим, уходя вниз. Сначала стремительное пикирование заставило сердце зайчонка уйти в пятки, но уже через миг он не удержался и звонко захлопал от радости.

Расправив лапки и стоя на голове у дракона, Хан Цзянсюэ смотрел на бескрайние просторы и восторженно орал во все горло:

— Я великий бессмертный мечник! Смотрите, как я летаю на мече-е-е!

Лазурный дракон издал протяжный клекот, явно забавляясь. Не снижая скорости, он устремился обратно к земле и в самый последний миг перед касанием реки замер в воздухе. Мощный порыв ветра вдавил водную гладь на несколько метров, с трудом сдержав сокрушительную мощь Водного владыки.

— Ну всё, забирай свою сумочку и беги домой, — сказал Су Сяньчэнь, аккуратно ссадив Хан Цзянсюэ на берег. — Как отстрою подводный дворец, позову в гости!

Зайчонок встал на задние лапки, чинно поклонился и громко закричал:

— Если вы опять переедите до икоты, я снова принесу вам травку!

Дракон возмущенно фыркнул, и мощная струя воздуха из ноздрей отбросила малыша на добрый десяток шагов!

— Хватит каркать! Марш домой!

Хан Цзянсюэ весело захихикал и пустился наверх по склону, беспрестанно оглядываясь. И сколько бы он ни смотрел назад, лазурный дракон всё так же неподвижно возвышался среди волн, провожая его взглядом.

Вернувшись в усадьбу с сумкой ста сокровищ на голове, Хан Цзянсюэ неожиданно столкнулся с Янь Фэйду, стоявшим на крытом крыльце.

«Ой? А бессмертный разве не должен был уйти в медитацию, чтобы изгнать яд?»

— Моего котика утащили чужие люди, как же я мог спокойно сидеть на месте?

Лишь услышав этот ответ, Хан Цзянсюэ с ужасом осознал, что ляпнул свою мысль вслух!

Зайчонок семенящими шажками подскочил к сапогам Янь Фэйду и поднес на вытянутых лапках мешочек, подобострастно залебезив:

— Водный владыка объелся до икоты, я ему чуток помог, а он дал мне мешочек метеоритного железа! Я не просто так удрал! Вот, возьмите, это вам, бессмертный!

Выслушав эти оправдания, Янь Фэйду ощутил странный укол досады.

Выходило так, будто этот маленький прохвост подрабатывает на стороне, чтобы содержать своего бессмертного.

— Кхм... сам и сберегай свои сокровища, — Янь Фэйду смерил взглядом сумку ста сокровищ и добавил: — Да и для переплавки в меч эта руда тебе не подходит. Позже я сам найду для тебя редкие материалы.

С этими словами бессмертный повернулся, планируя уйти, но перед этим бережно подхватил зайчонка и усадил себе на плечо.

— Очищение от яда придётся отложить до завтра. Нынче ночью я глаз с тебя не спущу, а то снова уйдёшь в загул. Тебе вообще ведомо, что случится, попадись столь доверчивый кролик злодеям? В мгновение ока на острую закуску переработают!

— Ого! — ахнул зайчонок. — У вас вкусы совсем как у моей матушки! Она тоже остренькое обожает!

— Ясно, — с иронией «прозрел» Янь Фэйду. — Нотации до тебя явно не доходят.

Зайчонок тут же надул пухлые щёчки и подхалимски уткнулся мягкой макушкой в подбородок бессмертного.

Любопытство — дело естественное! В конце концов, простить его можно хотя бы за то, что он котёночек!

Ночной ветер донёс едва слышный, тихий вздох Янь Фэйду:

— Подлиза...

В этот момент на подоконник медитативной обители Янь Фэйду опустилась пичуга и, точно ненужный сор, уронила письмо. Свиток шлёпнулся на деревянный настил и развернулся. На нём размашистой тушью красовались крупные иероглифы:

[Янь Фэйду! Я еду к тебе в гости! Возражения не принимаются, я уже в пути!]

<http://bllate.org/book/20471/2131871>